

Денисова О. В.

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассмотрение проблемы свободы в связи с процессом демократизации общества представляется актуальным не только в политическом контексте, как это пытаются представить политологи и СМИ. Проблема свободы актуальна и в иных, более глубинных, взаимосвязанных друг с другом, аспектах: философско-правовом, антропософском, культурологическом.

Философско-правовой ракурс исследования феномена свободы, как основополагающего фактора и главной цели процесса демократизации общества, предполагает, прежде всего, осмысление темы: «права и свободы личности». Это связано с политико-правовыми особенностями функционирования демократического государства, гражданского общества, но этим не ограничено. Антропософский аспект изучения свободы выявляет другую ключевую тему: «свобода совести», которую также исследуют специалисты в области религиоведения. Косвенно эти тематические срезы были затронуты в статьях автора: «Проблемы формирования политико-правовой культуры нации в свете теории гражданского общества», «Философия гражданского общества, как социальной основы политики», «Социально-философские и философско-правовые аспекты проблемы «консолидации демократии» в Украине» [1].

Антропософский, культурологический ракурс исследования свободы связан с социально-философским осмыслением феноменов: «личность», «творчество», «культура», что также нашло отражение в статьях: «Принципы интегративной антропологии в формировании творческой личности» и «Соціально-біологічні парадокси духовного розвитку особистості», «Антропологическая парадигма социокультурогенеза в искусстве (биосоциальный аспект)», др. [2]

Объект данного исследования – проблема свободы, рассмотренная в контексте культурологической проблематики. Предмет исследования – свобода творчества, как важный фактор и результат культурного развития и демократизации общества. Основная цель статьи: обозначить антропософские, философско-культурологические аспекты осмысления проблемы свободы. Главная задача – представить феномен свободы творчества, как важный элемент проявления свободы личности в демократическом обществе.

Методы исследования исходят из принципов и логики научно-философского анализа, в данном случае – анализа социально-культурных феноменов, какими являются свобода вообще и свобода творчества в частности. В ходе исследования мы обратились к идеям материалистов эпохи Просвещения, к немецкой классической философии, к марксистским и постклассическим версиям западной и отечественной философской мысли, а также – к исследованиям современных философов.

Уточним понятие «свобода» вне политического контекста. Будем исходить из того, что понятие «свобода» неотделимо от понятия «личность». Многомерное понятие «свобода личности» подразумевает несколько измерений свободы. 1. Свободу экономическую, более всего – свободу от эксплуатации. 2. Свободу политическую – гражданские права, которые обеспечивают полноценную жизнедеятельность индивида. 3. Свободу духовную, то есть свободу мировоззренческого, идеологического выбора. 4. «Свободу совести», то есть свободу исповедовать любую религию, или не исповедовать никакой, свободу религиозной или атеистической пропаганды. 5) Выделяют также «свободу гносеологическую». 6) Со свободой познания тесно связано понятие «свободы творчества».

Обозначим основные аспекты исследования проблемы «свободы творчества». В этом измерении свободы качества личности проявляются наиболее многогранно, открыто, «свободно». Общепризнанные антропософские постулаты утверждают: только человек может быть свободным, и только человек способен создавать культуру в ее материальной, духовной, художественной целостности и многообразии. Преобразующая деятельность человека по созданию артефактов культуры немыслима вне творческой свободы. «Признанием общественной значимости принципа свободы творчества является его включение в правовые системы всех демократических государств» [3].

Признание принципа свободы творчества нашло отражение в правовой сфере, в законодательной системе демократического государства, защищающего авторские права ученого, изобретателя, художника, писателя. Общество пришло к осознанию необходимости правовой защиты личности, занимающейся творческим трудом. В творчестве человек реализует свой духовный потенциал, в процессе проективной творческой деятельности рождаются креативные идеи, реализуются инновационные проекты. Творчество продуцирует научный, технический, технологический прогресс.

Но чтобы творить, человек должен обладать определенной мерой свободы. Свободы от чего, или от кого? Философы-материалисты эпохи Просвещения, размышляя о путях обретения свободы, пришли к выводу: если человек не сбросит с себя свою «природность», а его действия будут причинно обусловлены, то его воля не будет свободна. Путь из этого детерминистского тупика наметил И. Кант. Он также считал, что человек включен в общую цепь причинных зависимостей. Но, в отличие от материалистов-просветителей, Кант полагал: человек – существо разумное, его внутренний мир не подчиняется естественным законам. Человечество объединяет нравственный закон, требования которого выполняет практический разум человека – Воля. Теоретический разум, чувственность человека обеспечивают ему возможность эмпирического познания реальности, а практический разум – Воля – открывают путь к сфере человеческой свободы. Согласно Канту, свобода – не является предметом знания, она – предмет веры. Хотя и знание, и вера – два начала человеческого бытия. Свобода – это внутреннее состояние человека как разумного существа, связанное с сознанием независимости человеческой воли, ее самодетерминацией. Г. В. Ф. Гегель не соглашаясь с

противопоставлением познания и свободы, утверждал: мир познаваем. Познание мира – Абсолютной Идеи – делает человека свободным. Как диалектик, Гегель представил объективную необходимость (детерминизм) как основу свободы. Иными словами считал, что свобода – есть познание необходимости. Диалектический и исторический материализм – марксизм в решении проблемы свободы соединил гегелевскую диалектику природы с диалектическим пониманием истории общества. Марксизм, критикуя кантовскую «воображаемую свободу воли», предложил новую формулу свободы: человек существует в исторически определенном социальном контексте, человек не свободен от природы и общества, но он может быть свободным по отношению к реальности, если действует на основе «познанной необходимости» [4].

В философии позитивизма, фрейдизма, неопрейдизма, в экзистенциализме, герменевтике, феноменологии, в других постклассических философских направлениях и эстетических доктринах, доминирующими были биологизаторские, либо «эстетские» концепции творчества, которые абсолютизировали свободу творчества. Последние нашли отражение в рафинированных художественных течениях начала XX в., исходивших из принципов «искусство для искусства», «творчество ради творчества». Биологизаторские концепции понимания свободы творчества более всего реализовались в откровенно антиобщественной агрессивности творчества модернистов (кубизм, абстракционизм, сюрреализм, пр.), во фривольном использовании, игнорировании и осмеянии общечеловеческих ценностей постмодернистами[5].

Как же интерпретируется проблема свободы и свободы творчества сегодня? В. Ж. Келле, замечает, что ныне, хотя и признается связь свободы с познанием, но «акцент делается на независимости субъекта от любых ограничений как характеристике его свободы». Хотя формально эта трактовка ближе к Канту, Келле справедливо считает необходимым признать и гегелевско-марксистский вариант понятия свободы. Аргументация основана на исторически ситуативной правильности этих трактовок. Подчеркивается гениальность решения проблемы сочетания свободы и детерминизма, как «познанной необходимости». Ибо детерминизм – это не только отрицание, ограничение свободы, но и ее условие, предпосылка. «Если бы в мире не было никакой причинности и закономерности, то сознательная деятельность человека была бы невозможна, а значит, невозможна и свобода» – заключает В. Ж. Келли[6].

Каким образом эти выводы проецируются на потребности культуры: ее интеллектуальную, духовную, художественную сферы? Ядро интеллектуальной культуры – научные, то есть объективные знания. Ядро духовной культуры – нравственный закон. Ядро художественной культуры – искусство, художественное творчество. Свобода, основанная на знании, реализуется в сфере интеллектуальной культуры. Свобода воли, основанная на нравственном законе, реализуется в сфере духовной культуры. Художественная культура, включая в себя и интеллектуальный, и духовный компоненты, как никакая другая сфера культуры, дает возможность наиболее полно (свободно) реализовать интеллектуально-духовные и этико-эстетические устремления личности.

При всех различиях объективного, рационального, то есть научного познания и субъективного, духовного, а также художественного, образного познания мира, для нас очевидна их общность, определяемая целостностью культуры и принципом свободы творчества. В процессе интеллектуального, духовного и художественного творчества, человек стремится к истинному познанию мира природы, общества, своего и другого «Я», хотя и разными способами, средствами. Исследуя «Биосоциальные основания искусства в контексте коэволюционной парадигмы», мы убедились, что свобода, основанная на художественном познании, всегда реализуется в процессе активной творческой деятельности, как и свобода, основанная на научном познании[7].

Художественное творчество является той сферой культуры, в которой принцип свободы личности, как наивысшее достижение демократии, реализуется наиболее полно. Но, как подтверждает современная художественная практика, современные художники явно злоупотребляют дарованной им свободой, ошибочно полагая, что интеллектуальная, художественная сферы необходимы лишь для достижения абсолютной свободы. Такое понимание свободы творчества – путь к вседозволенности. Современному ученому, философу, художнику, специалисту в области социально-культурной деятельности нельзя забывать о юридических нормах, которые утверждают свободу и устанавливают границы воли. За этими границами – опасный для общества хаос в умах и душах людей. Сегодня всем необходимо понять, что свобода – это также действие на основе закона, что только система законов правового государства создает пространство и служит основанием свободы личности. И только с осознанием этого мы можем надеяться на успех процесса «консолидации демократии» [8].

Итак, мы расставили основные акценты в исследовании проблемы свободы на примере осмысления принципа свободы творчества в антропософском, культурологическом ракурсе. Далее логично рассмотреть философско-правовые аспекты проблемы свободы личности, в том числе свободы совести, но это уже иная глава исследования.

Источники и литература

1. Денисова О. В. Проблема формирования политико-правовой культуры нации в свете теории гражданского общества// Вестник СевГТУ. Вып. 52: Политология: Сб. науч. тр. – Севастополь, 2004. – С. 173–183; Денисова О. В. Философия гражданского общества, как социальной основы политики// Вестник СевГТУ. Вып. 69: Философия: Сб. науч. тр. – Севастополь, 2005. – С. 36–48; Денисова О. В. Социально-философские и философско-правовые аспекты проблемы «консолидации демократии» в Украине// Актуальные проблемы гуманитарных исследований: Сб. науч. тр. конференций СФ СПбГУП. – Сева-

- стополь: Рибэст, 2008. – С. 139–154.
2. Денисова О. В. Принципы интегративной антропологии в формировании творческой личности// Вестник СевГТУ. Вып. 4: Экономика, политика, философия. – Севастополь, 1996. – С. 61–69; Денисова О. В., Оконська Н. Б. Соціально-біологічні парадокси духовного розвитку особистості// Матер. міжнар. наук.-практ. конф. «Людина і духовність». – Київ: Наук.-досл. ін-т “Проблеми людини”, 1996. – С. 69–71; Денисова О. В. Антропологическая парадигма социокультурогенеза в искусстве (биосоциальный аспект)// Культура народов Причерноморья. – № 11. – Симферополь, 1999. – С. 141–145;
 3. Келле В. Ж. Культура и свобода// Вестник РФО. – № 1 (41). – М.: РФО, 2007. – С. 133.
 4. Араб-Оглы Э. А. Свобода// ФЭС. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 595–597.
 5. Глазычев В. Л. Гемма Коперника. Мир науки в изобразительном искусстве. – М.: Советский художник, 1989. – 416 с.; Каган М. С. Эстетика как философская наука. – СПб: Петрополис, 1997. – С. 498–531.
 6. Келле В. Ж. – С. 135.
 7. Денисова О. В. Биосоциальные основания искусства в контексте коэволюционной парадигмы: Дис. к. филос. н. – Симферополь, ТНУ им. В. И. Вернадского, 2002. – 206 с. (Рукопись).
 8. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии// Полис.– 1996. – № 5. – С. 16 – 27.

Мазилова Г.Б., Самонова М.В.

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В МЕНЯЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Древнеримский мыслитель Цицерон впервые ввел понятие «интеллигент» как особый, специфический тип личности. Появился термин «intelligence», переводимый как «понимающий, мыслящий, разумный» [12]. В этом понятии сосуществуют две подструктуры, две стороны явления: 1) мыслящий, разумный, т.е. интеллектуал, обладающий глобальной способностью действовать рационально, адекватно справляться с жизненными обстоятельствами и 2) понимающий, т.е. моральный, совестливый, способный нравственно подходить к любому явлению, поступающий по совести. Мудрое и гениально точное понимание Эллады претерпело расчленение, и теперь интеллигенция понимается либо как социальная группа интеллектуалов, либо как социальная группа честных людей с моральными устоями и принципами.

Первое понимание ближе социологической науке. Именно социология определяет интеллигенцию как «социальную группу людей, профессионально занимающихся умственным трудом, развитием и распространением культуры. Социологи предрекали возможность в постиндустриальном обществе интеллигенту стать новым государственным классом.

Вторая дефиниция более популярна в русской социальной философии и социальной психологии, которые определяют интеллигенцию как «нравственный эталон общества».

Когда мы говорим об интеллигенте как о носителе морально-этических ценностей, то подразумеваем структурированную личность, ведущими чертами которой являются гражданственность, моральная сопричастность к событиям в социуме, ответственность за свершаемые в окружающей среде явления, неравнодушие, перерастающее в социальную критичность и склонность воплощать в себе общественную совесть.

Попытаемся проследить динамику идентичности интеллигенции, начиная с богатого катаклизмами и кризисами XX века. В начале двадцатого века авторы нашумевшего сборника «Вехи» почитали интеллигента «элитой» общества. В условиях социальной нестабильности, войн и революций ярко выкристаллизовалась проблема самоидентификации. Человек в буре событий пытался направить свое поведение в соответствии с субъективными представлениями о себе, выраженными в идентичности, т.е. понимании «я» в контексте окружающей среды. Социальные кризисы XX века, которые были естественным последствием экономических и политических кризисов, круто меняли самосознание и идентичность каждого в частности и масс в целом: брат шел войной на брата, вчерашние блестящие офицеры становились разбойниками, стали возможными гражданские войны и хаос, голодомор и обесценивание вековых реликвий. Пережить социальные кризисы, сохранив качества гражданственности, удалось интеллигенции. Содержание идентичности в частности и самосознания в глобальном понимании позволило интеллигенции пережить кризисы и выйти из них «с усиливающимся ощущением внутреннего единства, с развившимися способностями к здоровым суждениям» [13]. Характерно, что именно на кульминационных моментах истории человечества, в периоды особенно масштабных социальных кризисов появлялось «творческое меньшинство, в котором происходит возрождение, становление и обновление ценностей, подорванных стремительными переменами» [11].

Вопросами сущности явления отечественной интеллигенции занимались Н.Бердяев, М.Туган-Барановский, П.Боборыкин, Д.Лихачев, Р.Иванов-Разумник, М.Мамардашвили, А.Петровский, Е.Смолтрицкий, И.Яковенко, А.Карпов и др. [1, 2, 4, 5, 6, 7, 9].

Конструкт относительно стабильных идентичности и самосознания, позволяющий не опуститься, не допустить деградации, сохранив духовно-нравственные ценности в те далекие первые десятилетия прошлого века дает основание говорить о представителях интеллигенции как о лицах «высокой умственной и этической культуры» [2]. Именно тогда вполне закономерным стало мнение П.Д.Боборыкина об интеллигенции как «чисто русском феномене», и слово «интеллигенция» вернулось на запад и стало считаться чисто русским.

В середине прошлого века в родном отечестве официально интеллигенция была даже не классом –